

БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ – 1940 – ТАНКИ И ЛЮДИ

10 мая 1940 года немецкие танковые и механизированные части начали свой стремительный марш через Арденны в обход линии Мажино. Армада, включавшая в себя 1 222 танка, 545 гусеничных и 39 373 колесные машины прошла 170 км от германской границы через Люксембург, Бельгию и приграничные районы Франции и вышла к реке Маас. Французские и бельгийские дивизии прикрытия были смяты и отброшены... Британский историк Роберт Кершоу (Robert Kershaw) рассказывает о об этой кампании, основываясь на впечатлениях участников событий...*

Блицкриг начинается

При продвижении вперед танков основная нагрузка легла на механиков-водителей. Танкист, ефрейтор по фамилии Мёльман (Möllman) вспоминал: «Глаза горели, в глазах щипало, словно воспалились веки... [Водители] управляли машинами, стиснув зубы. При любых обстоятельствах – не засыпай! Дороги, дороги, дороги – все одно и то же. Парни, сидящие рядом, говорят с тобой, говорят о том, что в голову взбредет. Все, что угодно, только бы не уснуть.»

Экипажи остро ощущали свою уязвимость [с воздуха], но авиации союзников не было видно нигде. Лейтенант Александер Штальберг (Alexander Stahlberg), служивший во 2-й Моторизованной Дивизии, признавал: «Мы ожидали массированные атаки противника с воздуха на такое массовое скопление войск, но прошли дни, пока мы не увидели первый французский или английский самолет над головой.»



Александер Штальберг (1912-1995). На более позднем этапе ВМВ – адъютант Майнштейна. Автор воспоминаний о ВМВ

https://www.myheritage.com/names/alexander_stahlberg

Йоханн Граф фон Кильмансегг (Johann Graf von Kielmansegg) из 1-й Танковой Дивизии вторит: «Снова и снова я бросал обеспокоенный взгляд на ярко-синее небо: моя дивизия представляет собой идеальную цель [для авиации], поскольку она не развернута и вынуждена медленно передвигаться по одной-единственной дороге. Но мы так и не смогли разглядеть ни единого французского самолета-разведчика.»



Йоханн Граф фон Кильмансегг (1906-2006) под Ленинградом в сентябре 1941 года, крайний слева. Автор руководства по тактике танкового боя (1941). В 1942-1944 годах служил в Генеральном Штабе (OKW). Автор воспоминаний о ВМВ.

<http://alifrafikkhan.blogspot.com/search?q=Franz+Halder>

Важным условием успеха *блицкрига* было доминирование в воздухе. Это стало частью развивающейся концепции ведения боевых действий немецких бронетанковых войск в Польше и теперь проявляло себя на Западе. Немцы мобилизовали три четверти своей авиации против одной четверти французских ВВС. Результатом стало численное превосходство – 2 589 немецких самолетов против 1 453 самолетов союзных ВВС. Два воздушных флота Люфтваффе бомбили аэродромы, скопления войск, укрепления и железнодорожные узлы. Важнейшим моментом было то, что они выделили больше ресурсов на тактическую поддержку сухопутных войск, чем союзники.

Служивший в британской танковой части француз Анри де ла Фалез (Henry de la Falaise) с сожалением говорил о том, что «через неделю после начала боев все небо было усеяно немецкими самолетами, ищущими цели. Не встречая противодействия, они летали на малых высотах... Некоторые из них вызывающе делали бочки и петли над нашими головами.» Находясь под постоянными бомбовыми ударами и обстрелами, запуганный проносящимися над головой самолетами врага, он признавал: «Все начали ощущать беспокойство и даже ужас из-за неожиданного отсутствия британской или французской авиации, в то время как немецкие летчики кувыркались у нас над головой словно во время мирного авиашоу. Они, практически, были в полной безопасности...» Танковые экипажи союзников вскоре научились держаться подальше от железнодорожных станций, искали объездные дороги и старались прибавлять скорости на прямых отрезках.



Анри де ла Фалез (1898-1972). В период ПМВ служил в 70-й Дивизии Американского Экспедиционного Корпуса и был награжден Военным Крестом (Croix de Guerre) за храбрость. Вторым Военным Крестом награжден во время ВМВ. Еще между войнами стал известен как кинорежиссер. Автор книги воспоминаний о войне (Through Hell to Dunkirk, 1943) (<https://nekropole.info/ru/person/view?id=7190522&l=en>)

В значительной мере воздействие воздушных атак было психологическим. Британец Чарли Браун (Charlie Brown) вспоминал: «Если кто-то скажет, что не был напуган, когда поблизости были *Штуки* (*Stuka* - пикирующие бомбардировщики *Ju-87*), это будет ложь.» При пикировании на вражеские позиции пилоты *Штук* включали сирены, которые британцы называли *Иерихонскими Трубами/Jericho Trumpets*. К стабилизаторам бомб немцы прикрепляли специальные трубы (прозванные *органными*), которые в полете издавали душераздирающий свист. Комбинация воя сирен и свиста была устрашающей: человек на земле чувствовал себя так, будто атакуют лично его... Людей охватывало ощущение полной беспомощности. «Они выполняли фигуры высшего пилотажа примерно минут пять, - вспоминал Чарли Браун, - пока их эскадрильи готовились к атаке. Ты лежишь в канаве, если такая найдется, и говоришь себе: ради бога, да сбросьте вы их [бомбы] и покончим с этим!» Вспоминает 2-й лейтенант В. Гиллисон (V. Gillison): «Самым трудным в делах БЭК (Британский Экспедиционный Корпус) было полное превосходство немцев в воздухе. Мы редко видели наши самолеты, и это не поднимало наш боевой дух...»

13 мая 310 бомбардировщиков, 200 пикирующих бомбардировщиков и 300 истребителей Люфтваффе сделали 1 215 вылетов, атаковав вытянутую вдоль реки Маас в окрестностях города Седан полосу обороны союзников протяженностью около 4 км – это была беспрецедентная по концентрации самолетов воздушная операция. Даже немецкие солдаты смотрели на развернувшуюся атаку с нелегким сердцем. Как вспоминал служивший в расчете легкой зенитной пушки Хуго Новак (Hugo Novak), «это был

разверзшийся ад - над противоположным берегом Мааса выросла желтовато-серая стена.» Эта атака оказал сокрушительное воздействие на французов. Вспоминает французский генерал Эдмон Рюби (Edmond Ruby):

Артиллеристы прекратили огонь и распластались на земле, пехотинцы нырнули в траншеи и сидели в них, не шевелясь. Они были оглушены воем пикирующих самолетов и грохотом бомбовых разрывов. Пять часов этого кошмара расшатали им нервы.

1-й лейтенант Мишар (Michard), который перенес эту бомбежку в рядах французской 55-й Дивизии, так описал это событие:

Взрывы грохочут всюду и везде. Все, что ты чувствуешь, - это кошмарный шум падающих бомб, свист которых становится все громче и громче по мере их падения. Появляется чувство, что они целятся в тебя, ты ждешь их в полнейшем напряжении. Взрыв приносит облегчение. Но затем гремит еще один, еще два, потом еще десять... свист одной накладывается на свист другой, они сплетаются, словно в материю, в которой нет дыр. Взрывы сливаются в нескончаемый гром... Когда интенсивность этих звуков спадает на мгновение, слышно, как ты заглатываешь воздух. Так вот и лежим: неподвижно, молча, скрючившись, с открытым ртом, чтобы не лопнули барабанные перепонки...

Психологическое воздействие продолжительной бомбежки стало самым заметным тактическим сюрпризом для союзников и оказало влияние на весь последующий ход событий этой кампании. Страх перед воздушными атаками пронизывает рассказы всех ветеранов союзных армий даже через много лет после войны.

... Воздушная мощь Люфтваффе обеспечила повышенную мобильность сил одной стороны и стала тормозом для противоположной стороны. Нерешительность в действиях союзников стала серьезным фактором. Британские солдаты с иронией называли эту ситуацию «Шинели одеть – шинели снять!». Их принуждали «торопиться, чтобы подождать», когда приказы часто противоречили друг другу в быстро развивающейся сумятице. БЭК и, в особенности, его бронетанковые полки пожинали плоды правительственного пренебрежения к ним и уклонения [от принятия решений] в период, предшествовавший начатому в последний момент перевооружению. Кабинет министров задерживал принятие решения об отправке БЭК [во Францию] до последней минуты. Военные теоретики имели слабое представление о том, как будут вестись войны в Европе с применением новых видов вооружений, и состояние военной техники [британцев] на поле боя отражало все это. Лидерские способности, продемонстрированные [командирами] в решающие минуты, тоже остались под вопросом...

22-хлетний лейтенант Джон Диксон (John Dixon), служивший в 1-м Танковом Полку *East Riding Yeomanry* (в историческом прошлом - формирующиеся на добровольной основе кавалерийские части - ВК), вспоминал, как участвовал в *TEWT (Tactical Exercise Without Troops – Тактические Занятия Без Участия Войск)* вскоре после прибытия во Францию до начала боевых действий. Находясь под началом у какого-то сомнительного майора кавалерии, он понял, «что даже наши жалкие познания приводили его в полное замешательство.» Сам Диксон в начале германского наступления получил револьвер калибра 0.38 с всего тремя патронами и без шнура... 13 мая, по его воспоминаниям, в его штабе все были сильно возбуждены. Обычным делом для рассказов британских ветеранов этого периода времени является упоминание о том, насколько слабо все были осведомлены о происходящем. «Все были взбудоражены и хотели знать, что мы собираемся делать, - писал Диксон, - но нам приказали помалкивать.» Приверженность принципу «положено/не положено знать», из-за которого блокировалась передача информации даже с минимальным уровнем влияния на безопасность, стала настоящей проблемой. Диксон подозревал, что «войска выступают, но им говорили, что они

выдвигаются для продвинутого обучения. И я в самом деле в это поверил!» Диксон отправился с 1-й Рекогносцировочной Бригадой (1st Reconnaissance Brigade) на участок фронта, который вот-вот должны были атаковать три танковые дивизии противника, с тремя патронами в барабане своего револьвера...

При продвижении британских танкистов к линии фронта пропитание им приходилось находить, где придется. Вспоминает водитель танка *Мамильда/Matilda* «Бутч» Уильямс («Butch» Williams, 7-й Танковый Полк): «Нам приходилось питаться подножным кормом, поэтому я отправился в деревню, чтобы раздобыть курятины на заброшенных фермах.» Де ла Фалез рассказывал, что поддерживал силы шоколадом, бисквитами, яйцами и консервированной говядиной. Уильямс вспоминал, что разжился необычной едой, которую прихватил где-то по дороге: «Нам на четверых досталась маленькая консервная банка креветок и пачка сладкого печенья – запили мы это шампанским.» Танкист Элдридж (W.C. Eldridge), вспоминал, что на период марша от Шербура они получили паек, в который входили сигареты, шоколад и презерватив. Даже с тем, что удавалось раздобыть по дороге, еды постоянно не хватало...

Обе воюющие стороны жаловались на жару и пыль во время маршей к линии фронта. «Яркий солнечный свет и тонкая белая пыль, поднимаемая в воздух танками, оказывали болезненное воздействие на глаза водителей и командиров экипажей, - вспоминал сержант-майор К. Данк (K. Dunk) из 10-го (Танкового) Королевского Гусарского Полка (10th Royal Hussars). – Веки глаз краснели и распухали.» По воспоминаниям немецкого лейтенанта Вольфа-Макса Освальда (Wolf-Max Oswald), немецкие танкисты при первой возможности использовали трофейные британские защитные очки. По его словам, глаза у танкистов уставали и воспалялись: «Командир разведгруппы охлаждал глаза своему механику-водителю мокрым носовым платком, хотя тот едва мог держать глаза открытыми...»

Танковые колонны британцев все чаще увязали на дорогах, забитых беженцами, как вспоминал механик-водитель Уильямс. По словам Чарли Брауна, служившего в частях снабжения (Royal Army Service Corps): «Это было самым печальным зрелищем из виденных мною: старики, молодые люди, люди всех возрастов, инвалиды...» Вспоминает Уильямс: «Нам было больно ловить на себе их осуждающие взгляды, большей частью, взгляды стариков, которые явно считали, что мы должны быть в другом месте и сражаться с *бошами*, а не болтаться бесцельно по дорогам.»

В своем дневнике Анри де ла Фалез описал рекогносцировочное патрулирование на второй день германского наступления и то, как они попали на дорогу, настолько плотно забитую беженцами, «что едва могли продвигаться вперед.» Было потеряно много времени на объезды, и, в итоге, британцам ничего не оставалось, как пробиваться напролом. «Медленно, осторожно мы двигались вперед через поток беженцев, - писал он. – Раз за разом, с началом новой воздушной атаки, они начинали разбегаться в панике.» Самолеты Люфтваффе часто совершали полеты вдоль оси продвижения немецких танков, поливая из пулеметов дороги, чтобы очистить их от военных и гражданских машин. «Я слышал истерические крики, когда бомбы взрывались на дороге впереди нас.» Танкисты союзников, искавшие противника, мало что могли сделать, когда дороги были забиты людьми...

Наступавшие навстречу союзникам немцы не были абсолютно безразличны по отношению к тому, как повлияли их действия на судьбу мирного населения. Ханс Беккер (Hans Becker) из 7-й Танковой Дивизии признавал:

Да, я находил это ужасным. Я думал про себя: а что, если бы тебе пришлось оставить свой дом и свою ферму, не зная, когда вернешься?.. На меня это подействовало. C'est la guerre/Это война, как сказали бы французы. Грустно будет, если кто-то из-них

вернется и найдет свой дом разрушенным. Что он будет подумать в этом случае? Он будет полон злобы по отношению к немцам!



Ханс Беккер (слева) под Курском. 1943 год. В конце ВМВ попал в плен и провел несколько лет в советском плену. Написал книгу воспоминаний *Devil on my Shoulder* (русское название - *На войне и в плену: воспоминания немецкого солдата, 1937-1950*)
<https://i.pinimg.com/originals/86/b9/73/86b97316ddd867f8cfe84bfa42c8fa2d.jpg>

Первыми в бой с немецкими танками вступили французские тяжелые танки. Это случилось в Бельгии близ города Жамблу (Gembloux) между долинами рек Маас и Диль (Dyle), когда 2-я и 3-я Легкие Механизированные Дивизии французов (*DLM - Divisions Légères Mécaniques*) столкнулись с 3-й и 4-й танковыми дивизиями немцев. 12 мая лейтенант Робер Ле Бель (Robert Le Bel) из 11-го полка 3-й *DLM* рассматривал немецкую бронетехнику через бинокль со своего танка *Hotchkiss H-39*:

Я увидел экстраординарное шоу, которое разыгрывалось примерно в трех километрах от меня: танковая дивизия выстраивалась в боевой порядок. Массовое скопление машин этой броневой армады было незабываемым зрелищем, а через линзы бинокля они выглядели еще более устрашающими. Сколько там их было? Посчитать их на таком расстоянии было невозможно, но их было много, и их пушки смотрелись грозно...

Некоторые люди, вероятно, офицеры, ходили взад-вперед перед машинами, жестикулируя. Вероятно, они отдавали последние приказы командирам экипажей, головы и плечи которых я мог разглядеть между раскрытыми половинками башенных люков. Неожиданно они исчезли, будто бы кто-то смел их волшебной палочкой. Несомненно, час «Н» приближался. Над горизонтом появилось облако пыли, говорившее о том, что противник находится в движении...

Первые столкновения

Ханс Беккер вспоминал свое настроение после завершения Польской кампании 1939 года: «Я твердо верил в мою способность к выживанию. Ты слишком молод, чтобы умирать, говорил я себе. Другие могут погибнуть, но не я. Я определенно снова увижу свой дом.» У немецких танкистов была внутренняя уверенность в себе, которой не было у их оппонентов. Это было результатом [соответствующей] подготовки, наличия опыта и должного лидерства. Многие уже побывали в боях.

Немецкое *Руководство по Обучению Танковой Роты* учило фундаментальным навыкам ведения танкового боя в лучшей степени, чем любое из разработанных союзниками, и стало доступным в марте 1939 года. Эти навыки были использованы немцами при Жамблу для достижения победы в бою: в концентрации огня на командирских машинах противника и машинах связи; в ведении огня, когда остановка, выстрел и последующее продвижение являются сочетанием, ведущим к победе на поле боя. Немецкие экипажи учились оставлять солнце у себя за спиной при заходе во фланг противнику и в его тыл. Умение пользоваться радиосвязью означало, что все эти навыки могут быть применены на практике. «В бою мне никогда не приходилось напоминать себе, что я не на учениях, - вспоминал Беккер, - что пули – настоящие и что с другой стороны находятся парни, стреляющие на полном серьезе.» Он был спокоен и уверен в себе: «Как игрок, который верит, что выиграет, я верил в то, что выживу.»

Анри де ла Фалез так описал настрой идущих французов из 3-й *DLM*: «Настроение было такое - они собирались дать *бошу* по физиономии так, чтобы он запомнил это надолго и убрался к себе домой.»

Уверенность немцев в себе пошатнулась, когда они обнаружили, что снаряды их 37-мм пушек отскакивают от французской брони безо всякого ущерба для нее. Сами французские танкисты рассматривали себя как механизированную элиту [своей армии]. «Они особо гордились своими новыми танками *Soma/Somua*, которые были на вооружении их дивизии, - писал де ла Фалез, - и великолепными 47-мм противотанковыми пушками, которые, как они говорили, сделают из немецких машин решето к тому моменту, когда те подберутся к ним.»

Французский 4-й Эскадрон Кирасиров (*Cuirassiers*), оснащенный танками *H-39*, вступил в бой на восточной окраине деревни Креан (*Crehen*). Сержант-мажор Жорж Ильян (*Georges Hillion*) выстрелил в свою первую цель и разглядел прямое попадание. «Танк [противника] остановился, я увидел яркую вспышку и дым, повалившийся из него.» Француз сделал еще выстрел, чувствуя, как по его танку «стучат пулеметные очереди противника». Французы дрались против смешанного отряда танков и пехоты, и вскоре их танк «получил первое попадание в кормовую часть, после чего немедленно остановился.» Капрал Физ (*Phiz*), водитель танка, не смог снова завести двигатель, и машина осталась неподвижной в 300 м от противника, который немедленно сконцентрировал свой огонь на подбитом танке. «Снаряд влетел в башню, я был ранен в лицо и левую руку. Лицо мне залило кровью, и мой левый глаз ничего видел...»



Французский танк H-39

http://www.tanks-encyclopedia.com/ww2/france/Hotchkiss_H35_39.php

В немецких донесениях об этом бое отмечается то, как медленно поворачиваются башни французских танков, и то, что этот фактор позволял поражать французские танки с флангов. Вскоре немцам стало очевидно, что «возможность обзора из танков противника представляется ограниченной», тогда как немецкие танкисты отслеживали свои цели, стоя в башнях при открытых люках, прежде чем нырнуть вниз и поймать их в перископ. Невысокая точность стрельбы французских танкистов обуславливалась и зигзагообразным движением немецких машин, [затруднявших противнику прицеливание и] старавшихся выйти на ударную позицию с фланга и поразить цель. Наиболее красноречиво отражало ситуацию осознание немцами того, что «французы всегда сражаются против немецких полков небольшим числом танков.» За идентификацией недостатков и просчетов французов последовало быстрое распространение информации по радиосвязи, но эти заключения немцам удалось сделать, заплатив за них немалую цену...

Ильон продолжал сражаться, хотя в его танк попадал один вражеский снаряд за другим: 40-миллиметровая броня выдерживала удары. Не видя ничего левым глазом, он продолжал вести пулеметный огонь, но тут еще один сильный удар сзади потрянул танк. Стрельба по французским танкам сзади была единственным вариантом поразить их для немецких танкистов с их маломощными пушками. «Я почувствовал страшную боль в спине, левую сторону лица словно обожгло, - вспоминал француз. – Густой дым заполнил танк, и я уже не мог видеть, попал я во что-то или нет.» Вражеские снаряды продолжали поражать его танк. «Я задыхался... наклонился вперед, чтобы снять шейный платок и обмотать его вокруг лица, но новый снаряд угодил в мою башню.» Намереваясь продолжить бой, выбравшись из танка, француз начал снимать со станины пулемет, приказав водителю забрать с собой боеприпасы к нему. «К этому моменту воздухом в танке было уже невозможно дышать. Я задыхался, мой левый глаз был закрыт, и я чувствовал, что силы покидают меня.» Ильон выбирался из танка, когда «еще один страшный удар» снес с его головы шлем, после чего француз упал и потерял сознание. Он пришел в себя из-за сильнейшей боли в ногах. «Я открыл правый глаз и увидел, как какой-то танк переезжает мне ноги – край гусеницы оказался сразу ниже моих колен.» Немецкий танкист стоял в башне этой машины и осматривал участок, который оборонял взвод Ильона. Опасаясь того, что его пристрелят из жалости, француз постарался сохранить молчание. Немецкий танк продолжил движение среди живых изгородей. Неожиданно начался артобстрел, и Ильон получил новые ранения – на этот раз осколки впились ему в левую руку, и его присыпало землей. Он опять потерял сознание и очнулся уже в темноте. «Моя правая нога была раздроблена и больше не слушалась меня, но я чувствовал левую.» Механик-водитель был мертв. В тот день полк, в котором служил Ильон, потерял 24 танка H-39.

16 мая французский средний танк *Char-B*, действуя в одиночку, атаковал колонну немецкой бронетехники в районе города Стон/Stonne к югу от Седана и вывел из строя 13 танков и две противотанковые пушки. Последовавшее изучение брони танка показало, что она выдержала около 140 попаданий вражеских снарядов. «Французские танки вовсе не были плохими,» - рассказывал Кристоф (C.C. Christophé), военный корреспондент, находившийся в рядах немецкой 2-й Танковой Дивизии. Рольф Хентерштайн (Rolf Henterstein), командир танка из этой дивизии, назвал танк *Char-B* «огромным чудовищем, крупнейшим танком из тех, которые мы видели к тому времени. Его броня выглядела очень толстой, и наши пушки не могли пробить ее.» По счастью для немцев, точность стрельбы французских танкистов оставляла желать лучшего из-за того, что они старались стрелять на ходу.

Сам по себе дизайн французских танков, от которых просто исходил дух [боевой] самодостаточности, испытал на себе влияние французского индивидуалистического подхода к созданию боевой машины. В то время как немецкие танкисты действовали в малых, средних и больших группах, танк *Char-B* был вооружен 75-мм гаубицей и 47-мм противотанковой пушкой – эквивалент вооружения двух немецких танков. Эргономика внутреннего пространства этого танка вызывала вопросы. Командир танка был и наводчиком, и заряжающим в башне с 75-мм пушкой, руководил действиями экипажа и, занимая соответствующую должность, взвода или эскадрона танков. Водитель также был перегружен обязанностями. Он наводил не способную поворачиваться (*в горизонтальной плоскости – ВК*) пушку, стрелявшую только вперед по курсу, и должен был крутить маховик вертикальной наводки. Радист и заряжающий вообще ничего не видели. Все это замедляло динамику действий экипажа в боевых условиях и координацию действий танкистов. Машина создавалась как танк поддержки пехоты с ограниченным радиусом действия.

Бои немецких танков против машин *Char-B* напоминали «охоту на медведя», в ходе которой немцы с их малокалиберными пушками действовали группами, заходя французам во фланг или в тыл. 17 мая в городке Мортье/Mortiers 6 немецких танков *M III* 1-го Танкового Полка были вынуждены вместе атаковать обстрелявший их танк *Char-B*. Три танка сумели зайти в тыл французу, к тому времени уничтожившему бронеавтомобиль, и занять позицию в 300 м от него. Один из немецких танков выстрелил в кормовую часть *Char-B*, в то время как другие засыпали снарядами башню, пока экипаж не был вынужден выбраться из нее. Лица у танкистов были в крови: они были иссечены осколками брони, отлетавшими внутрь машины, – это было единственным последствием попаданий немецких снарядов... В донесении по результатам боя немцы сообщили, что ни один из 75-мм, 37-мм или 20-мм снарядов не смог пробить броню. Танк потерял ход только тогда, когда 37-мм снаряд попал в моторный отсек и вывел двигатель из строя...

Когда бои в районе Жамблу к 13 мая стали утихать, Танковая Группа *Kleist*, спустившаяся с Арденнских гор, переправилась через Маас в районе городов Динан (Dinant), Монтерме (Montherme) и Седан. Первые контратаки французов на немецкие плацдармы были отбиты, и теперь французское командование намеревалось бросить против них три бронетанковые дивизии. 3-я *DLM* была сформирована всего шесть недель назад, и ее действия оказались безрезультатными: несколько атак были приостановлены, дивизия то рассредотачивалась без нужды, то эти приказы отменялись, после чего она перешла к пассивному выжиданию на фланге формирующегося немецкого клина. 1-я *DLM* построилась для заправки горючим прямо напротив Динана, в районе которого немецкая 7-я Танковая Дивизия под командованием Роммеля переправлялась через Маас.



Роммель во Франции. 1940 год

<https://i.pinimg.com/originals/ba/ac/f2/baacf23ca7a89a8da1176a43899012a5.jpg>

Обе французские дивизии подошли к немецким плацдармам почти без горючего, израсходованного во время 14-часового марша на низких передачах протяженностью в 23 мили по дорогам, забитым толпами беженцев и войсковыми колоннами, и под постоянными атаками с воздуха. Несколько колонн с топливными цистернами было сожжено немецкими самолетами, а уцелевшие грузовики с горючим прибыли на место только утром 15 мая. В отличие от немецких танкистов, которые во время маршей дозаправлялись из ставших позднее знаменитыми перевозимых с собой канистр (*Gerry cans*), французы полагались на подвоз горючего на грузовиках. Эта система плохо работала в полевых условиях бездорожья и позволяла заправлять только один танк в каждый момент времени. Танки Роммеля приблизились к находившимся в ожидании и заправлявшимся французским танкам 28-го Батальона машин *Char-B* и 25-го Батальона машин *H-39*, при этом французы даже не побеспокоились о создании заслона восточнее этой позиции. 7-я Дивизия немцев была частично оснащена чешскими танками *38t*, которым пришлось приблизиться к танкам *Char-B* на 200 м, чтобы вести эффективный огонь из своих 37-мм пушек. Танки *M IV* открыли огонь фугасными снарядами по грузовикам с цистернами. Разгром двух танковых батальонов французов был полным...



«Когда ты в бою, - вспоминал Ханс Беккер, - и слева и справа тебя идет пальба, в тебе как будто отключаются человеческие чувства. Все, о чем ты думаешь – смотри по сторонам! Тогда тебя никто не подстрелит. Если этого не делать, пропадешь! Таковы были мои чувства, пока бой не окончился.»

Немецкий 66-й Танковый Батальон ворвался в построение французских машин, развернувшись в широкий клин. Французы оказались в очень невыгодном положении, и немцы безжалостно воспользовались этим. Во французской части, состоявшей из 36 тяжелых машин, осталось три танка. 1-я *DLM* начала общее отступление, и из 175 танков ее первоначального состава к французской границе вернулось только 17 машин. 2-я *DLM* была разгромлена немецкой 6-й Дивизией, когда была на марше. К утру 16 мая она была рассечена на две части и рассеяна. Во французской линии обороны образовался разрыв шириной в 40 миль, и немецкие танки начали свой знаменитый марш к побережью...

В бой вступают британцы

«Мы все еще не знали о настоящем масштабе немецкого прорыва, - вспоминал Уильямс из 7-го Танкового Полка. – Мы думали, что фронт стабилизируется после нескольких первоначальных неудач, как это произошло в 1914-м...» Танк Уильямса был неисправен, и его техническое состояние становилось все хуже. «Масло разбрызгало по всему корпусу, оно проникло даже в дисковые сцепления, и мне теперь приходилось прилагать все мои силы для того, чтобы поменять передачу...» Уильямс был равнодушен к своему танку, имевшему прозвище *Grimsbys*: «Было нелегко ухаживать за *Grimsbys* на марше, но это была работа, которую я делал с любовью... Я бы не променял ее *на весь чай Китая или всех цыплят Франции*.» До танкистов постоянно докатывались новые слухи о прорыве немцев, которые «становились просто обычным делом, поскольку сумятица стала типичной для этой кампании.» В конечном итоге, танкисты соединились со своей частью и в беседе с ее командиром начали понимать, что «вертикаль управления сломана.» Отступление в западном направлении продолжилось. «В памяти последние три дня как-то слились, возможно, из-за усталости и отсутствия еды, в бесконечный марш на скорости, самое большее, 5-6 миль в час, и возню с двигателем, который постоянно перегревался.»

Уильямс вспоминал, что «к данному моменту, все наши стереотипные представления о войне, столь тщательно вбитые в нас согласно учебным схемам в Кэттерике (Catterick) и Олдершоте (Aldershot) (*учебные лагеря в Англии – ВК*), были забыты, и мы отчетливо понимали, что это – война нового типа...»

Большая часть французских бронетанковых сил была разгромлена. Четыре немецких танковых клина вслед за 19-м Корпусом под командованием Гудериана – *Стремительного Хайнца*, как его называли солдаты, не встречая сопротивления, продвигались к побережью. Они проходили до 90 км в день и, в итоге, вышли к морю близ Абвилля (Abeville). 15 мая капитулировала Голландия, Бельгия была на грани коллапса – 1-я фаза немецкого наступления была завершена.

Выдержки из дневника немецкого лейтенанта Ханса Штайнбрехера (Hans Steinbrecher) из 2-й Танковой Дивизии дают представление о всем ходе немецкого наступления.

10 мая, пробиваясь через транспортные пробки на горной дороге в Арденнах, он записал, что «наступил день, который, как я думал, никогда не наступит.» Он был настолько ошеломлен размерами колонн бронетехники, ожидающих возможности продолжить

движение, что у него возникло такое чувство, что «в мире существуют только танки.» Оптимизм и уверенность танкиста в себе были еще более взвинчены прекрасной погодой и скоростью марша. 11 мая – «Мы были на марше весь день. Если так дело пойдет, мы скоро окажемся в Англии.» Немецкие танкисты высматривали, не появились ли где-то британские танки, и «горели желанием схлестнуться с ними.» К 13 мая Штайнбрехер был более задумчив, отрезвленный сценой и грохотом увиденного, вероятно, впервые боя. 14 мая – «У нас у всех появилось чувство, ужасная битва ждет нас впереди.» На следующий день танкист записывает: «Наконец-то англичане! Мы рассчитались с ними за Камбре (*речь идет о победе британцев в одном из сражений ПМВ - ВК*). Нас спустили с поводка на британцев, как охотничьих собак, я один записал на свой счет три танка.» Финальная запись в его дневнике гласит: «Сообщают, что крупные силы противника находятся от нас к юго-западу – правда ли это?» Танк Ханса Штайнбрехера был подбит французами из засады, и он был убит огнем из пулемета, когда пытался выбраться из своей машины...

В рассказах британских танкистов об отступлении к побережью обычно присутствуют упоминания об усталости и сочувствии по отношению к несчастным французским беженцам, которых они видели по дороге, и растущее чувство унижения в свете грозящего им поражения. Анри де ла Фалез вспоминает, как он увидел своего сержанта Диттона (Ditton), спящим прямо на полу бронемшины *Morris* посреди запчастей и инструментов, положив голову на ящик с боеприпасами.» Во время другой остановки, сделанной, чтобы перекусить, прямо перед ним молодой офицер уже не мог держать глаза открытыми и просто ронял голову, в итоге, уснув, уронив лицо в тарелку с яичницей. Ветераны вспоминают, что во время отступления на сон им, вероятно, оставалось не более двух часов в сутки.

«Мои основные воспоминания об этом марше – это пыль, жара, тысячи беженцев и их грустные лица,» - вспоминал Дэвид Эрскин (David Erskine), офицер 1-й Бронетанковой Дивизии. Хотя это было строгойше запрещено, Эрскин дал бензина старику, который сидел в древнем, страшно перегруженном *Рено* со своей женой, дочерью и двумя внуками. «Одного взгляда на эту оказавшуюся в столь жалком положении семью для меня было достаточно. Я залил около галлона [горючего] в его бензобак, завел его мотор с помощью ручного стартера и отправил в путь...»

Танкист Уильямс вспоминал о том, как по разным причинам подвозил беженцев на броне своей машины. Отстав от своих, он позднее нагнал свой эскадрон. Майор Паркс (Parkes), командир подразделения, был очень рад тому, что его танкист воссоединился со своими, и поднял вверх большой палец, но увидев «пассажиров» в кормовой части машины, рассердился и заорал: «Сними этих людей со своего долбаного танка!»

Несчастья, обрушившиеся на гражданское население, добавили стремительно отступавшим танкистам личных мотивов в этом военном конфликте. Стали очевидными необходимость как можно быстрее победить немцев и то, что пока это не удалось сделать. Стыд и унижение, вызванные вероятным поражением, стали проникать в солдатские головы. Лейтенант Анри де ла Фалез вспоминал, как у него в голове застряло воспоминание об 11-летней девочке, пришедшей на полевую кухню штаба его эскадрона на бельгийской границе: «У неё были огромные темные глаза, густые черные волосы, ее розовое платье было грязным и измятым. Она держала на руках младенца и умоляла дать ей немного молока для ребенка, своего брата... Ей предстояло пройти еще 30 миль. Девочка верила в то, что союзные войска остановят немцев...»

Генерал-майор ле Кейн Мартел (le Qesne Martel), командующий 50-й Дивизией, отдал приказ в 8 утра 21 мая атаковать противника двумя смешанными колоннами танков, пехоты и артиллерии в направлении занятых противником высот к юго-востоку от города Аррас (Arras). Атака была необходима для захвата пространства, необходимого для отступления БЭК. На острие атаки двух колонн были 7-й и 4-й танковые полки, оснащенные тяжелыми

танками *Матильда*. Примерно 74 танка и два батальона пехоты должны были ударить во фланг 7-й Танковой Дивизии немцев, спокойно продвигавшейся в западном направлении. Еще примерно 70 танков из состава французской 3-й *DLM* должны были поддержать атаку британцев на правом фланге.

7-я Танковая Дивизия к том времени провела серию впечатляющих атак, разгромив несколько застигнутых на дорогах врасплох французских колонн. Немцы прошли 110 миль за 8 дней, используя туристические карты и заправляясь на местных бензоколонках. Они оставили позади большое количество военнопленных, раздавив гусеницами танков захваченное у них оружие. «Где же британцы, мы-то знаем, что их боевой дух будет повыше? – вспоминал о своем настроении капитан Ханс фон Люк из 7-й Дивизии. – С одной стороны, они были более крепкими бойцами, чем деморализованные французы, с другой они уперлись спинами в Пролив...»



Ханс фон Люк (1911-1997) – впоследствии воевал на Восточном фронте, в Северной Африке и в Западной Европе, кавалер Рыцарского Креста за бои в Нормандии

https://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Luck

Британские танкисты к тому поняли, что война, к которой они готовились на равнине Солсбери (Salisbury) в Англии, не имела ничего общего с той, на которой они оказались. Полные предосторожностей приказы и сложные мероприятия были бесполезными, когда танкистов неожиданно бросало в хаотичную атмосферу современных стремительных и мобильных боестолкновений. Танкист Уильямс вспоминал: «У нас не было карты местности, мы не имели понятия о цели операции, нам не разрешали связываться по радио, но нас это не беспокоило. Мы к этому привыкли. Большинству командиров экипажей, не имевших разведданных, лишенных времени на рекогносцировку или отработку взаимодействия с приданной им пехотой и артиллерией, говорили так: «Заводите двигатели и следуйте за нами!»»

Вспоминает капрал Джордж Эндау (George Andow) из 4-го Полка: «Дело было вот в чем, и я много об этом думал. Когда бы ты ни проходил подготовку до войны, ты всегда выходил к цели, и во время обучения ни разу не было ситуации, в которой ты неожиданно сталкиваешься с массой бронетехники, уже занявшей позиции там, где находится цель твоего продвижения. Учения совершенно не походили на жестокие реалии войны, которая должна была начаться. Но, думаю, во Франции британская армия выучила некоторые уроки...»

«Наше возбуждение в самом начале было исключительным, - вспоминал сержант Стрикленд (E. V. Strickland) из 4-го Полка. – Это была наша первая демонстрация силы.»

Но когда танкист тронулся с места, его машина вдруг резко остановилась – это были обычные проблемы с коробкой передач.

Уильямс вспоминал, что было необходимо выбрать направление атаки, которого он толком не знал. Единственная подсказка пришла от солдат роты Полка Даремской Легкой Пехоты (*Durham Light Infantry*), наступавших через распаханное поле. Над головой танкистов пронеслось несколько снарядов, и Уильямс понял: «Это наши, конечно же!» Тогда как 4-й Танковый Полк держался заданного направления атаки, колонна 7-го Полка продвигалась, практически смешавшись с подразделениями 4-го Полка. Тем не менее, масса наступавших танков и пехоты вклинилась в правый фланг немецкой 7-й Дивизии... «Неожиданно на высоте напротив нас мы увидели поток немецких грузовиков, машин и мотоциклистов, - вспоминал Питер Вокс (Peter Vaux), находившийся в легком танке *M VI*. – ... Они были так же изумлены, как и мы.» Британцы обрушили шквал огня на колонну противника. Грузовики начали гореть, группы пехотинцев бросились врассыпную, чтобы укрыться от перекрестного огня. «Не знаю сколько немцев мы убили, не знаю сколько грузовиков и машин сгорело – в самом деле, это был большой успех, и мы и правда не видели причины, по которой мы не могли бы дойти до Берлина с той скоростью, с которой продвигались [в тот момент] вперед.» Стрикленд подвел свою машину к этой дороге и увидел, что она просто забита немецким транспортом всех видов: «Большинство машин горело после попаданий в них снарядов *Матильд*, я приступил к уничтожению оставшихся невредимыми.» Снова вспоминает Питер Вокс: «Прямо передо мной оказался немецкий мотоциклист. Он пытался завести свою машину, чтобы удрать. На его лбу вздулась вена, а мой стрелок так сильно покатывался от смеха, что не мог прицелиться и прикончить его...»

Немецкие солдаты лихорадочно отцепляли свои противотанковые пушки, чтобы открыть огонь по *Матильдам*, но их снаряды отлетали от танковой брони. Когда в поле зрения появился немецкий танк *M IV*, Вокс был послан британским полковником за тяжелым французским танком, который должен был поддержать британцев...

Пехота 6-го Пехотного Полка немцев приняла на себя основной удар британцев. В штаб дивизии ушло радиодонесение: «Сильная атака танков противника со стороны Аппаса. Нужна помощь, нужна помощь.» Первоначальный противотанковый заслон, созданный 42-м Противотанковым Батальоном (*Panzerjäger Abteilung*) был смят британскими танками. Когда заслон, выставленный моторизованной Дивизией *SS Tötenkopf*, также был смят, среди немцев началась паника. Прибывший на место событий генерал Роммель, командующий 7-й Дивизией, приказал незамедлительно открыть беглый огонь по атакующим из всех имевшихся пушек, как противотанковых, так и зенитных. «Все, что заботило меня тогда, - писал Роммель впоследствии, - это необходимость остановить вражеские танки.» Немецкий 25-й Танковый Полк, находившийся на переднем крае, получил приказ отойти назад и попытаться выйти противнику во фланги и в тыл. Стволы 88-миллиметровых зенитных пушек были опущены и нацелены на наступавшие британские танки...

Лейтенант Штальберг из Противотанкового Батальона вспоминал, что «мы понесли потери потому, что наши пушки были слишком маломощными.» С той поры почувствовавшие свою уязвимость расчеты 37-миллиметровок стали презрительно называть их «дверными колотушками». В дивизионном отчете, последовавшем за этим столкновением, прозвучала жалоба: «Наши собственные противотанковые пушки неэффективны против тяжелых английских танков даже на близком расстоянии.» Штальберг высказался в том же духе:

Артиллеристы стреляли из всего, что только возможно, но снаряды отскакивали от наклонных поверхностей. Чтобы добиться какого-то эффекта, мы стреляли по подбашенным кольцам или гусеницам, которые оказались уязвимыми. Попадание в

подбашенное кольцо приводило к заклиниванию башни, разрыв гусеницы вынуждал танк крутиться на месте.



Британский солдат осматривает выведенную из строя и захваченную 88-миллиметровку. Франция, 1940 год.

<https://www.alamy.com/the-british-army-in-france-1940-a-british-soldier-examines-a-knocked-out-german-88mm-gun-26-29-may-1940-image177912144.html>

Все это стало понятным после проб и ошибок в кровавом хаосе сражения. Роммель остановил продвижение к Аррасу, однако 88-миллиметровки, пробивавшие броню *Матильд*, продолжили бой, и до наступления темноты позиции британцев подверглись массированным атакам *Штук*...

Когда, не найдя тяжелый французский танк, Питер Вокс вернулся в долину, откуда наступали британцы, он обнаружил, что немецкие тяжелые танки исчезли из поля зрения. В дне долины он увидел более двадцати танков из эскадронов А и В 4-го Танкового Полка британцев. Он узнал командирский танк по его хорошо заметному выпелу, но не смог связаться с ним по радио. Через какое-то время адъютант (полка ? - ВК) вышел на связь и сообщил: «Подходите и присоединяйтесь ко мне.» Со стороны леса и гребня высоты в британца летели снаряды – это был огонь тяжелых полевых пушек. Вокс был удивлен отсутствием активности со стороны британских танкистов, но, подъехав поближе, он понял причину этого:

Я думал, что это странно – они [танки] не двигаются и не стреляют, а потом заметил, что происходило что-то еще более странное: их пушки были повернуты во все стороны, у многих башенные люки были открыты, из некоторых свешивались тела танкистов, раненых и погибших. Неожиданно я понял, и это был шок – все эти танки были подбиты...

Немецкие пушки сделали свое дело. Раненые и выжившие ползали повсюду, их можно было разглядеть по их черным беретам. Вокс служил в этом батальоне с довоенной поры...

Там были все те танки, которые я прекрасно знал, – танки со знакомыми названиями: Dreadnought, Dauntless, Demon, Devil... Там были парни, с которыми я играл в карты,

купался, жил бок о бок годами – они были мертвы. Там же были и танки – теперь бесполезные. Редко кто из них горел, но большинство из них было уничтожено так или иначе.

Так прекратил существование его батальон – лучшие экипажи, офицеры и машины...



Горящий танк Матильда. Франция, 1940 год.

<https://i.pinimg.com/originals/bd/ee/31/bdee31a90ffd1945fcb1401b67afee7d.jpg>

Тем временем «Бутч» Уильямс продолжал бороться со своим танком *Grimsby*: из-за неисправности двигателя он не принял участие в бою. В конце концов, его машина выкатилась из леса на поле боя. Две *Матильды*, застывшие в стороне от дорог, очевидно, были выведены из строя. «Они выглядели брошенными, никаких признаков людей, которые вступили в них в бой. Неподалеку дымился немецкий бронетранспортер, его дверь была открыта нараспашку. Ни одной живой души на несколько миль, даже Люфтваффе отдыхало в послеполуденное время, словно не желая нарушать безмятежность этого солнечного дня в сельской Франции.» Танк Уильямса вступил в бой с одиночным немецким танком и подбил его. Затем танкисты прижали огнем к земле немецких пехотинцев в расположенной рядом деревне. Были взяты пленные, которых отправили в тыл. Экипаж Уильямса получил приказ собраться вместе с остальными уцелевшими в бою. Оказалось, что погибли оба батальонных командира из их полка. Наступила темнота, и, как вспоминал Уильямс, «где-то вдалеке, по направлению к Аррасу, мы увидели вспышки выстрелов и трассы пулеметных очередей над местностью...»

Бой под Аррасом изменил положение. Роммель изначально был уверен, что его атаковали сотни танков, и остановил наступление на сутки, полагая, что новые атаки противника неизбежны. Позиция Гудериана, вышедшего к побережью в районе Абвилля, выглядела теперь более уязвимой. После этого боя немецкие генералы стали опасаться того, что их танковые дивизии окажутся отрезанными от следовавших за ними пехотных дивизий, находившихся на марше. После того, как 24-го мая Гитлер отдал приказ остановить наступление, танковые дивизии были отведены от передовой для подготовки к следующей

фазе наступления – прорыву вглубь Франции, названному *Fall Rot*. Эта фаза следовала за первоначальной атакой, названной *Fall Gelb*.

Силы союзников, оборонявшие Булонь и Кале, были получили подкрепления. Одновременно с этим их войска попытались уничтожить плацдармы, захваченные немцами на южном берегу Соммы близ Абвилля. Подкрепления были взяты у британской 1-й Бронетанковой Дивизии, и значительная часть ее артиллерии, пехоты и часть танков была второпях переброшена в район Булони и Кале. Целостность этой дивизии была утрачена еще до того, как она вступила в свой первый бой.

Танки против танков

3-й Танковый Полк британцев прибыл во Францию для того, чтобы укрепить оборону Кале. Это была тщетная попытка стабилизировать быстро меняющуюся и неопределенную ситуацию. Когда танки выгружались, рядом с причалами полыхали пожары. Немецкие войска приближались к побережью, но никто не знал, где они находятся. Алан Волластон (Alan Wollaston) вспоминал, что капитан их судна даже хотел повернуть обратно в Англию, не разгружаясь: «Капитан из нашего полка поднялся на борт и пригрозил ему расстрелом в случае, если танки не будут перемещены на берег.» Такое начало было малообещающим. Вспоминает майор Билл Ривз (Bill Reeves), командир эскадрона:

Наши танки грузили на транспорт не для безотлагательного вступления в бой, а будто бы для поездки на какие-то учения во Францию. Соответственно, пушки были в минеральном масле, их еще нужно было вычистить, смазать, протестировать и отрегулировать. То же относилось и к радиостанциям.



Билл Ривз (1906-2003)

<https://books.google.com.au/books?id=UejNAwAAQBAJ&pg=PA12&lpg=PA12&dq=major+Bill+Reeves+tank+man+1940&source=bl&ots=v29cD5QbqF&sig=0OEpq2Ni21jgF4WdO9iXSq46lhl&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj3x6n-l->

Эскадроны полка формировались в спешке, им нередко доставались чужие танки и экипажи. Волластон вспоминал, что «все немного перемешалось», а ему самому досталась должность наводчика в танке *Cruiser*. Сержант Билл Клоуз (Bill Close) вспоминал, что «во всем был полный развал, когда мы прибыли на место... У нас не было радиостанций, поэтому все коммуникации были устными.» Радиостанции и запчасти застряли на какой-то железнодорожной ветке в Англии. Это вынуждало танкистов орать внутри танка, чтобы перекрыть шум мотора, или учиться читать по губам, как в годы ПМВ. Это наложило отпечаток на и без того отчаянное положение, в котором британцам предстояло сражаться, усугублявшееся [постоянными] переменами в принимаемых решениях и неадекватностью техники и снаряжения. Уже через несколько часов сержант Клоуз натолкнулся на немецкую колонну, и из пяти его машин четыре были уничтожены. «Я был в единственной машине, которой удалось удрать, - вспоминал он, - и не было другого способа сообщить об этом старшему по команде, кроме как вернуться назад.»



Билл Клоуз (первый слева в нижнем ряду) на учениях. 1930-е

Остальная часть 1-й Бронетанковой Дивизии британцев, частью которой должен был стать 3-й Полк, разгружалась в Шербуре 21 мая. Капитан Лорд Джордж Скотт (George Scott), заместитель командира танкового эскадрона, описал лишенное всякой организованности прибытие. Некоторые новые танки остались у причалов дожидаться установки на них пушек, потому что последние прибыли на отдельном транспорте. Когда же британцы погрузились на железнодорожные платформы, забастовавшие французские машинисты отказались везти их. Старенький паровоз заменили на другой, но опять с таким же старым машинистом, после чего состав застрял на полпути к вершине, поднимаясь на первый же холм. Был найден еще один паровоз, который перетаскил состав на другую сторону холма. Состав добирался 48 часов до места назначения, расположенного в нескольких милях к югу от долины реки Соммы. Через несколько дней танкисты вступили в бой. Времени на подготовку, рекогносцировку или полевое обучение не было...

Британцы в самом деле были *экспедиционным корпусом*. Танкисты целиком зависели от поддержки принимавшей их стороны и от наличия связи с ней. В период *Странной Войны* было сделано очень мало для налаживания связи с французами в условиях отсутствия срочной необходимости, а когда начался кризис, было уже поздно. Подполковник Келлер (Keller), командир 3-го Полка, вспоминал: «Я попросил, чтобы мне дали французского офицера связи, но так и не получил его, хотя город (Кале) был заполнен французскими солдатами, транспортными средствами и беженцами.» На личном уровне контакты были, но мало что было сделано в отношении взаимодействия танковых частей союзников.

Вспоминает майор Ривз: «Одно из впечатлений, которое навсегда останется в моей памяти, - это огромный вес снаряжения, которое нам приходилось таскать на ранней стадии военных действий.» В отличие от немцев, которые приобрели опыт во время своих бескровных захватов и, кроме того, теперь воевали уже во второй своей кампании, британцы использовали снаряжение, не отличавшееся такой же практичностью:

Была дикая жара, а на моей спине был рюкзак, на мне была скатка, на боку – сумка, противопогазная сумка на груди и еще плащ химзащиты, прикрученный к скатке на моем плече. В дополнение к этому, само собой, было оружие, боеприпасы, компас, бинокль и планшет.

Все это не влезало в танк, а танкисты не горели желанием выбросить что-то из снаряжения, за которое они расписались и за которое пришлось бы потом платить.

Мысль о том, что люди будут вести бой в танке со всем этим снаряжением, само собой, была просто смешной, но этот урок мы выучили не сразу, а спустя немало времени... Никто не имел понятия о том, где находятся наши грузовики. Танки действовали неорганизованно и нуждались в заправке. Машины нуждались в техобслуживании... Экипажи сидели на сухих пайках. Дух танкистов существенно поднялся бы, если бы людям давали горячего чая. Позднее, в ходе войны, это уже делалось автоматически, но на ее ранней стадии у нас не было ни инициативы, ни опыта...

В атмосфере дезорганизации рождались в изобилии приказы и контрприказы. Подполковник Келлер вспоминал: «Большое количество драгоценного времени было потеряно из-за того, что я не знал, кто такой бригадир Николсон (Nicholson – непосредственный начальник Келлера) или что он из себя представляет, почему я попал под его начало и что я должен делать.» Танки Келлера так ни разу и не были развернуты для боя должным образом, потому что его солдат и офицеров «использовали как батальон «I» (*пехоту поддержки танков Матильда – комментарий Кершоу*).

Наступил момент, когда было принято решение эвакуироваться из Кале, но оно тут же было отменено. Келлер получил приказ уничтожить свои танки, затем, «когда половина работы была сделана, пришло сообщение от бригадира с приказом остановиться. Однако к этому времени уже было слишком поздно.» Трудно себе представить, какое [деморализующее] воздействие это оказало на танкистов, которые тут же получили приказ стоять насмерть, обороняя Кале...

Вспоминает Ривз: «В это время мы получали совсем мало новостей об общей ситуации, и, на самом деле, мы, вероятно, знали о военной ситуации меньше, чем наши сограждане, находившиеся дома.» Крохи информации танкисты получали из передач BBC, дополненных слухами. Еще не вступив в бой, танкист Элдридж из 10-го Гусарского Полка (*10th Royal Hussar Regiment*), который перебрасывали по железной дороге, вступил в беседу с солдатами, которых перебрасывали в противоположном направлении. «Мы услышали о войсках, которых снимали с пляжей и перебрасывали на участок побережья куда-то севернее.» Танкисты услышали о Дюнкерке значительно позднее...

Обездвиженные техническими и другими проблемами, противоречивыми приказами, подавленные известиями о происходивших событиях, недавно прибывшие танковые экипажи готовились к бою...

Начало

Сержант Бэрри Росс (Barry Ross), наводчик танка *Cruiser* 10-го Гусарского Полка вспоминал: «У нас была информация о том, что *Джерри* захватил плацдарм на противоположном от него берегу Соммы в районе деревни Юпи/Hupru к югу от Абвилля. Нашей целью было очистить от них плацдарм с помощью ребят из 2-го Гвардейского Драгунского Полка (*2nd Dragoon Guards Regiment, также известный как Queen's Bays*) и 9-го Полка Королевских Уланов (*9th Royal Lancers Regiment*). «Понедельник 27 мая 1940 года начался с предрассветного тумана, это был безветренный и теплый день на линии фронта... - вспоминал сержант Рон Хаггинс (Ron Huggins). – Стояла хорошая погода для боя. Мы знали это, знали это и немцы. Танкисты с оживлением обсуждали то, что их ждет. Мы были уверены в себе и готовы к тому, чтобы сражаться. Мы хотели встать на один уровень с нашими отцами, которые воевали в 1914-1918 годах.»



Танкисты 10-го Гусарского Полка в мае 1940 года во Франции рядом со своей машиной *Cruiser*. По всей вероятности, первый слева – Рон Хаггинс. После эвакуации из Дюнкерка воевал в северной Африке и Италии, закончил войну в Австрии. Был сотрудником знаменитого Бовингтонского музея. Скончался в 88-летнем возрасте.

http://www.xrhqb.com/snl11_2205_xrh.html

«В ожидании приказа о выдвижении, я размышлял о том, чувствовал ли мой отец то же, что и я, когда ... его полк атаковал и захватил Machy Le Preux/Маши Ле Прё,» - вспоминал сержант-майор Данк. До Абвилля было не так далеко – этот эпизод военной кампании разворачивался в местах, где располагались большие кладбища времен ПМВ...

... Когда в небо поднялись облачка пара от походных плиток, Хаггинс заметил, что некоторые «парни быстро навели своих друзей из экипажей соседних танков и пожелали им удачи.» На противоположной стороне линии фронта танкисты тоже пребывали в задумчивости. Гауптман Фон Люк из 7-й Танковой Дивизии вспоминал погибших и тяжелораненых товарищей. Позднее он писал своей жене: «Однако, в основном, доминировали радостные чувства по поводу того, что мы все еще живы... Учись переносить все испытания невозмутимо. Нет смысла спрашивать «почему» и «где», человек должен сформировать собственную иммунную систему, настроенную против таких чувств как страх, симпатия и, вероятно, до определенной степени, против [некоторых] аспектов этики, морали и совести... Чтобы действовать эффективно, солдат должен перестать воспринимать сцены ужаса и дистанцироваться от своего ближнего, чтобы быть способным действовать рационально.» Фон Люк участвовал уже во второй кампании, и он рассчитал, что «если я смогу добиться этого, то мои шансы на выживание увеличатся.»

Хаггинсу и его товарищам предстояло обрести опыт и чувства, о которых размышлял фон Люк. Он вспоминал о том, как его «мысли обращались к дому и людям, которых он любил, к комфорту, теплу и безопасности, которые он оставил позади.» Тем временем сержант-майор подходил к людям, спокойно напоминал им о том, что они должны в деталях заполнить страничку *Wills*/[Последние] *Пожелания* в конце своих солдатских расчетных книжек. Всем полагалось иметь на себе *идентификационные жетоны*, но запрещалось иметь что-то, что могло идентифицировать воинскую часть, в которой они служили. Никто не чувствовал себя оскорбленным: сержант-майор вел себя по-отечески, и молодые солдаты в этом нуждались...

Перед началом выдвижения танкисты чувствовали свою уязвимость из-за технических проблем, особенно характерных для машин *A13 Cruiser*. Истории, рассказанные британскими ветеранами, пестрят упоминаниями о поломках и отказах, характерных для оружия и снаряжения. Хаггинс был обеспокоен этим, так как его экипаж еще в Англии обнаружил, что у их танка очень плохо срабатывала задняя передача, и он докладывал об этом. Мало что было сделано в неорганизованной переброске в Шербур и после этого, и механик-водитель по-прежнему был вынужден сражаться с задней передачей. Танкисты шутили, что «у нас единственный в полку танк, который не отступает», но шутка не стала популярной...

Когда британские танки пошли в наступление, французские артиллеристы так и не предоставили им обещанную огневую поддержку. Более того, из-за отсутствия радиосвязи штаб полка так и не получил приказ сверху о приостановке атаки...

На противоположной стороне ефрейтор Вильгельм Кравцек (*Wilhelm Krawzek*, 25-й Пехотный Полк), артиллерист из расчета 37-мм противотанковой пушки прислушивался к доносящемуся до него шуму. Наводчик (*Schütze*) Хюберт Бринкфорт (в *оригинальном тексте* – *Herbert*, правильно - *Hubert* - *ВК*) рассматривал передний край через телескопический прицел. Кравцек разглядел приближающиеся танки. Британцы передвигались, стараясь держаться за зарослями кустарника и живыми изгородями. По воспоминаниям Кравцека, нервы напряглись до предела, когда они поняли, что это – массированная атака, в которой участвует до тридцати танков. Из-за того, что калибр их пушки был невелик, немецкие артиллеристы были вынуждены оставаться невидимыми противнику и ждать, пока расстояние до танков станет оптимальным и достаточно близким для открытия [эффективного] огня.

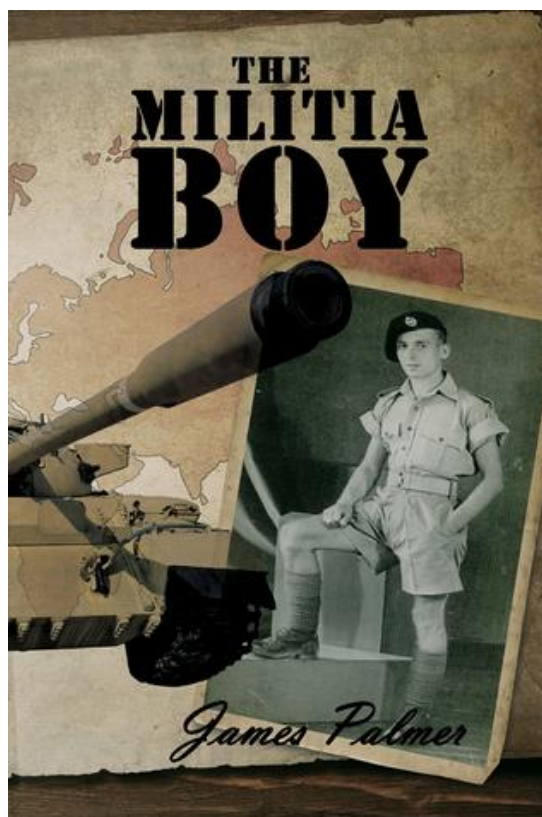
Расчет одной из 88-миллиметровок по прозвищу *Цезарь*, входившей в батарею, которой командовал лейтенант Клай (Klay, Abteilung I/64), тоже разглядел приближавшихся британцев. Эти зенитки уже проявили себя в Польше под городом Илжа/Iłża, когда в сентябре 1939-го немцы с их помощью отбили несколько последовательных атак противника. Эти пушки все чаще применялись немцами в качестве «пожарных команд», чтобы бороться с тяжелыми танками противника, неуязвимыми для пушек стандартных немецких танков. Клай вспоминал, что атака показалась ему в чем-то заторможенной: «Они приближались нерешительно, быстро меняли направление [движения], словно какие-то серые тени, продвигающиеся вдоль опушки леса..., останавливались и, казалось, не были вполне уверены, в каком направлении атаковать.»

37-мм пушка и 88-миллиметровка открыли огонь. «После десяти выстрелов два танка горели...» - вспоминал Кравцек. По наблюдениям лейтенанта Клая, «проникающая способность наших снарядов была колоссальной. Если попадание в цель было точным, они пронзали броню этих монстров и поджигали их. Часто, когда снаряд ударял в броню под слишком острым углом, они отлетали словно каменные «блинчики», которые пускают по водной поверхности, ... высекая снопы искр.»

Глядя на происходящее через бинокль, Клай был уверен в том, что ему удалось посеять хаос во вражеских рядах, и «вид горящих *бестий* едва ли вдохновит тех, кто наступает вслед за ними.»

Вспоминает британский танкист Джеймс Палмер (James Palmer):

Все произошло очень быстро... Когда мы въехали на бугор, противотанковые пушки ударили по нам справа, и четыре наших танка загорелись еще до того, как им удалось продвинуться вперед на десять ярдов... Люди пытались выбраться из горящих машин, некоторые пытались оттащить своих товарищей подальше от объятых огнем танков. В тот день мы потеряли двадцать человек убитыми и двадцать три – ранеными.



Обложка книги воспоминаний Джеймса Палмера (1918-1996) – танкиста, принимавшего участие в боевых действиях во Франции, Бирме, Северной Африке и Италии.

<https://www.goodreads.com/book/show/42742365-the-militia-boy>

«Когда я посмотрел через мой пушечный прицел, - вспоминал сержант Бэрри Росс, - меня ослепило восходящее солнце и, без сомнения, все остальные экипажи испытывали ту же проблему... Вот так мы пошли в первый бой – с недостоверной информацией [о противнике], ослепленные солнцем и, что было хуже всего, не имея понятия о том, кто находится слева от нас.» Сержант-майор Данк, который был в авангарде атакующего танкового отряда, видел, как погиб командир подразделения после того, как в его танк угодили снаряды невидимых противотанковых пушек. Еще один танк загорелся в 50 ярдах слева от него. Решив выйти из боя, механик-водитель Данка повел *Cruiser* по открытому полю зигзагами, чтобы затруднить противнику прицеливание. «Я страшно боялся того, что мы можем потерять гусеницу, что часто случалось с этими танками, когда они поворачивали на скорости.»

Французские артиллерия и танки так и не пришли на помощь британцам...

Танки в бою

Танковые экипажи по обе стороны линии фронта были привязаны к своим машинам и давали им прозвища. Все танки эскадронов *D* в британских частях получали прозвища с первой буквой *D*: *Dreadnought*, *Dauntless*, *Demon* и *Devil*. Эти прозвища могли быть использованы в радиопереговорах. Также и немцы использовали прозвища с героическим звучанием, например, *Griffon*, *Adler*, *Falke*, *Kondor*.

Танковая часть Рудольфа Бера (Rudolf Behr) потеряла три машины *M IV*, четверых танкистов убитыми и троих тяжело ранеными в всего за полдня на окраинах Булони. Польская кампания не шла ни в какое сравнение с тем, что [немецкие] танкисты испытали во Франции, и серьезные потери были нанесены огнем хорошо замаскированных противотанковых пушек. Британские противотанковые пушки и их расчеты завоевывали у немцев уважение, замешанное на страхе... Продвигаясь по шоссе, Бер лихорадочно вглядывался в происходившее впереди него, когда небольшое облако пыли и дыма вырвалось из идущего перед ним танка. Командир экипажа выбрался из башни и затем свалился с нее на шоссе. Глядя на то, как из подбитого танка выбираются остальные, он услышал звук «тяжелого металлического удара по своему танку и увидел фейерверк искр, засыпавших отсек экипажа.» Пришла очередь Бера выбираться из танка. Он видел, как его водитель уронил голову, и его лицо залила кровь. По счастью, наводчик сохранил самообладание и повернул башню в сторону, чтобы дать возможность остальным выбраться через боковой люк и не попасть под огонь противника. Бер прокричал что-то водителю, но ему пришлось оставить товарища в танке, потому он считал его, по всей вероятности, мертвым. Танкисты выбирались из своих подбитых машин под пулеметным огнем, и, в итоге, Бер потерял нескольких водителей, артиллеристов и своего радиста...

Это были тяжелые потери. На танковой броне немецкие танкисты нарисовали небольшие белые кружки в память о тех, кто сражался в экипажах этих танков и погиб. Рядом нанесли даты, и дата «22.V.40» стала горьким напоминанием новым членам экипажей, что у них были погибшие предшественники...

Ефрейтор Кравчек так описал трудное положение, в котором оказался он, артиллерист расчета противотанковой пушки, на которую надвигаются бронированные машины:

Снаряды падали на дорогу слева от нас, попадали в живую изгородь справа и в деревья над нами. Воздух был наполнен треском, шипением, гулом и свистом. Падали ветки. Дорога была изрыта воронками. Но мы закусывали губы и посылали в танки снаряд за снарядом. Бринкфорт стрелял с ледяным спокойствием...

После этого боя Бринкфорт стал первым рядовым солдатом Вермахта, награжденным *Рыцарским Крестом*. Лейтенанту Клаю повезло меньше. Серия снарядов накрыла позицию одной из пушек, ранив троих артиллеристов и выведя из строя полугусеничный тягач и саму зенитку. Когда командир расчета был убит, остальные артиллеристы покинули позицию...



Кавалер Рыцарского Креста Хуберт Бринфорт (1916-1942). Убит 5 июня 1942 года под Ленинградом (<https://www.findagrave.com/memorial/132226692/hubert-brinkforth>)

Ветераны обычно описывают бой как разрозненную картину, состоящую из отдельных фрагментов, сочетающихся с притупляющими чувства физическими потрясениями. «Неожиданно очень быстро, из перелеска один за другим, словно из скорострельной пушки, донеслись четыре выстрела, - вспоминал Рон Хаггинс. – Танк лейтенанта Мурхауса (Mooghouse) был поражен всеми четырьмя снарядами, которые пронесли столь молниеносно через пространство передо мной, что до моего лица дошли созданные ими воздушные волны. Его танк был немедленно объят пламенем: [вражеские] снаряды угодили в длинные топливные баки, расположенные вдоль двигателя танка *Cruiser*. В это же время начали взрываться боеприпасы, и я не думал тогда, что кто-то из экипажа мог выжить внутри танка...» К полному изумлению Хаггинса из башни выбрался офицер с залитым кровью лицом и спрыгнул на крыло машины. Танк Хаггинса тронулся с места, и тут водитель горевшего танка *Джинджер* Хартнелл («Ginger» Hartnell) появился из люка водительского отсека, подхватил буксирное кольцо одного из тросов и потащил его к

буксирному крюку в кормовой части танка Хаггинса. Судя по всему, у него не хватило сил забраться на танк своих товарищей, и он просто повис на нем – его так и потащили [в тыл...]

Ветераны часто вспоминают о том, с какой скоростью и ловкостью танкисты выбирались из подбитых машин, даже будучи ранеными и часто находясь под огнем. Не всем это удавалось. Джордж Коттерилл (George Cotterill), служивший в эскадроне Хаггинса, вспоминал, как танкист Райт (Write) по кличке *Chalkie* (*Белый Как Мел*), «цветной малый», сначала выбрался из танка, а затем полез обратно, чтобы повернуть пушку, которая не давала водителю открыть свой люк. Этот парень был убит пулеметной очередью еще до того, как ему удалось залезть обратно в танк...

Выбравшимся из подбитых машин танкистам предстояло добраться до своей передовой. Подполковник Келлер из 3-го Танкового Полка позднее горячо отстаивал ту точку зрения, что «револьвер (*единственное стрелковое оружие танкиста в то время – ВК*) не дает достаточной защиты танкистам, чьи машины были выведены из строя в бою.» Эту точку зрения, которую он отразил в своих рапортах, написанных им после боев в районе Кале, командование просто проигнорировало. «Офицеры и солдаты говорили мне, - писал он, - что чувствовали себя совсем беспомощными и хотели бы иметь при себе винтовки.» В ходе боя в районе деревни Юпи на плацдарме Абвилль британцы использовали бронемашину для вывоза с поля боя танкистов из подбитых машин, которым приходилось пробиваться к своим, отстреливаясь от наступающей немецкой пехоты из револьверов. Многие при этом были убиты.

Только 10 из 30 танков уцелели в атаке на позиции немцев в районе деревни Юпи 27 мая. Снова, как и под Аррасом, танки не имели пехотной поддержки. Британские танкисты были достаточно уверены в себе, чтобы вступить в бой против танков противника, но немцы, судя по всему, всегда располагали более продвинутой комбинацией тактических средств ведения боя. Майор Билл Ривз признавал: «Большое впечатление производила реакция атакованных немецких колонн. Они [немецкие солдаты] быстро покидали машины и вводили в бой свою противотанковую артиллерию, и уже вскоре вы слышали свист пролетающих где-то рядом снарядов.» *Британский Танковый Корпус* дорого заплатил за ошибочные представления о войне, внедренные теоретиками и сторонниками чисто танкового боя Фуллером (Fuller) и Лиддел-Харт (Liddell-Hart). Они учили массовому использованию танков, считая, что моторизованная пехота и противотанковая артиллерия будут играть ограниченную роль. Тем временем немецкая военная мысль выковала концепцию комбинированного использования различных родов войск. Согласно этой концепции, были обучены войска, в ходе двух военных кампаний она была опробована и получила дальнейшее развитие.

Недостаток опыта и отсутствие должной подготовки нашли свое отражении и в сравнительно большом количестве инцидентов с открытием огня по своим. Этому способствовали низкий уровень системы распознавания *свой-чужой* в бронетанковых войсках обеих воюющих сторон. Как отмечал подполковник Келлер, «немецкие танки внешне были похожи на наши, и, в условиях сумятицы, сложившихся в районе Кале, нам пришлось в двух случаях задерживать открытие огня из-за неуверенности в том, какой стороне принадлежат танки.» Дик Хау (Dick Howe), которому довелось командовать патрулем из двух танков к юго-востоку от Кале, признавал, что ему довелось «попасть под огонь с обеих сторон.»

У немцев распознавание *свой-чужой* было поставлено столь же плохо. Отступающие британские танки часто пристраивались к немецким частям, в которых никто ничего так и не заподозрил, или же проходили через расположение противника. лейтенант Питер Уильямс (Peter Williams) из 3-го Танкового Полка вспоминал, что в одном из таких случаев «немецкие солдаты даже махали нам руками, и мы приветствовали их таким же образом.»

К концу июня эвакуация союзных войск из Дюнкерка была успешно завершена. 2-я и 5-я французские кавалерийские дивизии (частично механизированные) также атаковали Абвилльский плацдарм. 1-я Танковая Дивизия британцев потеряла 110 из своих 257 танков и была полностью эвакуирована из Шербура 18 июня за день до того, как город был сдан врагу. Почти вся техника и снаряжение дивизии были потеряны. Французские бронетанковые части, среди которых была воссозданная 2-я Резервная Кирасирская Дивизия, продолжали атаковать немцев близ Соммы вплоть до 4 июня. Понесенные тяжелейшие потери привели к тому, что эти войска полностью утратили боевую эффективность...

Вторая стадия немецкого наступления – *Fall Rot* – началась на следующий день. У французов не было боеспособных бронетанковых частей, способных воспрепятствовать немецкому наступлению. 2-я, 3-я и 4-я дивизии вместе располагали всего 150 танками, а в составе вновь созданной 7-й Дивизии осталось 174 боевые машины. Серия небольших ожесточенных боестолкновений имела место до 16 июня, а 22 июня Франция капитулировала.

Итоги и уроки

К третьей неделе июня большая часть БЭК вернулась в Англию. Танкисты с горечью вспоминали свой недавний опыт. Непосредственные бои танков против танков имели ограниченный характер. Большая их часть выпала на долю тяжелых французских танков. Атака под Аррасом стала кратковременным успехом, но под нее попала только автомобильная техника, колонны которой растянулись по флангам наступающих немецких бронетанковых войск. Отсутствие пехотной и артиллерийской поддержки у британцев свело успех на нет. Точная стрельба была еще одним проблемным моментом. Немецкий боевой опыт подтвердил во второй раз важное значение прицеливания и стрельбы с коротких остановок с последующим движением. Британцам еще предстояло выучить этот урок.

Тактика массированных танковых атак, разработанная на учебных полигонах в 1930-е годы, оказалась неэффективной против комбинированных боевых групп немцев, в особенности, против усиленных противотанковой артиллерией танковых частей. Радиосвязь у британцев была хуже, чем у немцев, да и та часто выходила из строя во время маршей по пересеченной местности.

Отсутствие опыта и десятилетия равнодушного отношения со стороны правительства подорвали усилия британцев. Немцы заметили, что британцы столь же храбры, что и французы, но значительно превосходят их в агрессивности, иногда вплоть до безрассудства. Они признавали то, что британские танкисты являются крепкими бойцами, но полагали, что ими плохо командовали. Кроме того, выяснилось, что на тот момент британцы могут выставить танки, с которыми ни один из немецких танков не может конкурировать. Танк *Матильда Mark II* рассматривался ими как грозная машина и его наличие у противника вынуждало немцев работать и дальше в направлении усиления огневой мощи и бронезащиты своих танков, что стало ясно уже после Польской кампании. Захваченная техника тщательно изучалась и оценивалась немецкими специалистами.

Британцам пришлось проглотить горькую пилюлю поражения. Билл Клоуз из 3-го Танкового Полка вернулся в Англию. «Я чувствовал себя совершенно разочарованным, - вспоминал он. – На самом деле, я не имел понятия о том, что случилось со многими моими товарищами, а когда я, в итоге, оказался в Дувре, я понял, что только четверть от моего полка сумела вернуться.» Та часть, которую он знал в мирное время, фактически прекратила существование. «Мы отправились на войну ... как обычный батальон с 50

танками, а вернулись..., потеряв все свои машины – и гусеничные, и колесные – и почти половину людей.»

Билл Клоуз по возвращении в Англию получил небольшой отпуск и вернулся в Фордингбридж (Fordingbridge), где для него началась война, когда военный полицейский вызвал его из паба и передал приказ возвращаться в казарму. Клоуз потерял боевой дух и ощущал вину из-за того, что он вернулся, а столь многие из его части – нет:

Большая часть жен была все еще была там. Они мало что знали о том, где мы побывали и что делали. Девушки, чьи мужья пропали без вести, постоянно задавали вопросы, на которые мы не могли ответить, внимательно изучали наши лица, чтобы увидеть, не скрываем ли мы что-то от них.

Лейтенант Джон Диксон попал в плен. Он вспоминал: «Попасть в плен – неприятный опыт. Особенно неприятным он был для меня, потому что я был к этому абсолютно неподготовлен. У меня не то что и мысли не было о плене, плен не был упомянут ни разу за весь период моего обучения.» Он был репатрирован в Англию 8 мая 1945 года. Для него война длилась тридцать дней...



Брошенный танк Cruiser A13 Mk I 1-й Бронетанковой Дивизии на пляже Дюнкерка. 1940 год (<https://www.worldwarphotos.info/gallery/uk/british-tanks/cruiser-mk-iii-a13-mk-i-cruiser-mk-iv-a13-mk-ii/tank-a13-1940-dunkirk-british-1st-armoured-division/>)

*Роберт Кершоу – принятое в России произношение, правильное – Кершо

Robert Kershaw. Tank Men. London, 2008

https://en.wikipedia.org/wiki/Henry_de_La_Falaise

<https://www.independent.co.uk/news/people/obituaryalexander-stahlberg-1574264.html>

https://en.wikipedia.org/wiki/Johann_von_Kielmansegg

www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/94/a2064494.shtml

*Сокращенный перевод, изложение, дополнения, компиляция и литературная обработка
– Владимир Крупник*

Возврат к главной странице www.warsstory.org